

ЛИЧНОСТЬ ВО ВРЕМЕНИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

PERSONALITY THROUGH TIME OF HUMAN CULTURE

К.А. Абульханова

K.A. Abulkhanova

Созерцание, человеческое чувство времени, идентичность личности, культура, способности, душевное удовольствие, мотивация.

Парадокс проблемы личности во времени заключается в том, что не сама по себе культура, а человек – самое смертное из всего сущего в мире – наделяет ее даром вечности, когда обретает возможность выйти в другое духовное, идеальное время и пространство посредством способности к порождению времени через соединение со временем человечества.

Contemplation, human sense of time, identity of personality, culture, abilities, emotional pleasure, motivation.

The paradox of the problem of personality through time is in the fact that not culture by itself but man who is the most mortal of all things in the world gives the gift of eternity to it, when he gains the ability to go to another spiritual ideal time and space using the ability to spawn time by connecting with the time of humanity.

Хорошо известно, что культура исторична, т. е. она принадлежит своей эпохе, воплощается и питает ее. В этом смысле культура имеет исторический временной масштаб. Культура не развивается в смысле ее совершенствования во времени всей истории, но она конкретно исторична, т. е. привязана к конкретному времени, образу жизни, ее пространству и формам, но одновременно она вневременна, она принадлежит вечности. И вечно в ней наиболее совершенное.

Теоретикам культуры не удалась попытка представить историческую последовательность культуры как ее развитие по восходящей. Памятники Древнего Египта не уступают по своему совершенству произведениям постмодернизма. Но существует критерий, по которому возможно выделить наиболее совершенное произведение культуры, не опираясь на принцип последовательности. Самый главный парадокс проблемы заключается в том, что не сама по себе культура и ее сокровища обретают бессмертие, а именно человек – самое смертное из всего сущего в мире – наделяет ее даром вечности. Он оказывается тем судьей, который своим воображением, восприимчивостью, эстетическим и интеллектуальным переживанием дает умереть одному и наделяет бессмертием другое произведение. В этом главный парадокс связи человека и культуры.

Лишь на первый взгляд, объективируя себя в формах культуры, своим творчеством человек сразу отдает их вечности. Это иллюзия, связанная с длительностью существования памятников архитекту-

It is well known that culture is historical, i.e. it belongs to its age, embodies and feeds it. In this sense, culture has a historical time scale. Culture does not develop in the way of its own improvement over time throughout all history, but it is specifically historical, i.e. linked to particular time, a way of life, its space and forms, and at the same time, it is timeless, it belongs to eternity. And the most perfect in it is eternal.

Cultural theorists failed in their attempt to present the historical sequence of culture as its development increasingly. The monuments of Ancient Egypt are not inferior in their perfection to the works of post-modernism. But there is a criterion by which it is possible to isolate the most perfect work of culture without relying on the principle of consistency. The main paradox of the problem is that it is not culture itself and its treasures that gain immortality but man who is the most mortal of all things in the world gives the gift of eternity to it. He is the judge, who by his imagination, receptivity, aesthetic and intellectual experience allows one work to die and gives immortality to another work. That is the main paradox of the relationship between man and culture.

Only at the first glance, objectifying himself in the forms of culture man gives them to eternity by his creativity at once. It is an illusion associated with the duration of the existence

ры, скульптуры, шедевров из долговечных металлов. На самом деле только способность живущих столетия спустя воспринять нечто как прекрасное, ценное придает ему жизнь в настоящем, определяемую как вечность и бессмертие.

А тем самым и человек, не только как творец произведений культуры, но как тот, кто своим восприятием возрождает их к жизни, одновременно прикасается к вечности. Это восприятие не только интеллектуальное или эстетическое переживание, придающее жизни смысл, а человеку – удовлетворенность, это «выход за пределы» своего времени, который дает переживание свободы. Жизнь человека имеет, как мы убедились, свою временную размерность (не размеренность!), свой масштаб, интегрирующий ее время и пространство. Одновременно человек принадлежит, включаясь в социум, к его масштабу – его времени и пространству. Но как обладатель душевных и духовных способностей, своей реальной и чувственной жизнью он приобщается к масштабам времени и пространства жизни человечества. Время личной жизни более жестко регламентировано для тех, кто детерминирован внешним временем (и в личностном, и в социальном отношении). Время жизни более «просторно», «вольно» для типов, управляющих временем, и потому именно они способны «потратить» его на работу сознания и переживания, выводящих в вечное пространство культуры.

Но тайна соприкосновения человека и культуры, их взаимопроникновения не только в том, что удовлетворяется потребность смертного в бессмертии, бессознательная потребность продлить свою жизнь. Главная тайна состоит в удержании настоящего, в его продлении как настоящего, в расширении его пространства и ввысь, и вглубь. Не случайны старинная и совсем современная формулы, обе равно заклиняющие «остановись, мгновение» и признающие его мимолетность – «есть только миг между прошлым и будущим». Настоящее при всей своей реальности и полноте преходяще. Оно преходяще, хотя имеет и временную, и пространственную модальности. Прошлое не имеет пространственной реальности, пространственно оно становится идеальным, оно воплощается в настоящем только благодаря работе памяти, воспоминаний. Будущее также не имеет реального пространства, а только время. Настоящее поэтому более «полноценно», время «заземлено»

of monuments, sculptures, masterpieces of durable metal. In fact, just the ability of those, who live centuries later, to perceive something as beautiful, valuable gives it life in the present, defined as the eternity and immortality.

And thus man, not only as the creator of works of culture, but also as the one who revivifies them by his perception, at the same time touches eternity. This perception is not only an intellectual or aesthetic experience that gives meaning to life, and satisfaction to man, it is “going above” his time, which gives the experience of freedom. A man’s life has, as we have seen, its temporal dimension (but not uneventfulness), its scale, integrating its time and space. At the same time getting involved in society, man belongs to its scale – its time and space. But as the owner of mental and spiritual abilities, his real and sensual life helps him to join the scales of time and space of human life. The time of private life is more strictly regulated for those who are determined by external time (both personally and socially). The lifetime is more “spacious”, “easy” for the types controlling time, so they can “spend” it on the work of consciousness and experiences bringing it into eternal space of culture.

But the mystery of the contact of man with culture, of their interpenetration is not only in the fact that the need of the mortal in immortality is satisfied that is the unconscious need to extend one’s life. The main secret is to keep the present, to prolong it as the present, to expand its space both upwards and inward. The old and very modern formulas both of which equally conjure “linger you now” and recognize its transience – “there is only a moment between the past and the future” – are not random. The present with all its reality and fullness is transient. It is transient, though has temporary and spatial modalities. The past has no spatial reality, it becomes ideal spatially, it is embodied in the present only through the work of memory, recollections.

The future does not also have real space, but only time. Therefore the present is more “full”, time is “earthed” in the space of particular acting. And that is why man tries to overcome not only

в пространстве конкретного действователя. И потому человек стремится преодолеть не только конечность, ограниченность времени в своей жизни, он борется против необратимости времени, против конечности, ограниченности настоящего. Как же он может «удержать» мгновение, если все его психические способности динамичны, если его мысль в постоянном движении, если он сам постоянно устремлен в будущее? «Расширение» границ настоящего достигается только усилиями осознания и переживания, воссоздающими человеческую культуру, т. е. ценностным сознанием и переживанием. Такое переживание оказывается связано не только с реальным временем-пространством, но с идеальным временем-пространством культуры. Такое переживание продлевает настоящее, сообщая ему ту подлинность, которой не имеет сама по себе эмпирическая жизнь. «Жизнь тем более жизнь, чем более она – жизнь внутренняя», – писал Л.Н. Толстой. Как может жизнь быть жизнью в большей или меньшей степени – спросим мы. Придание ей ценностного характера расширяет и углубляет ее время, и Толстой имел в виду именно переживание и мысль, осуществленные по формуле духовности, культуры.

Этот принцип в его философски ограниченной форме, по мнению А.Ф. Loseva, был открыт еще стоиками в их понимании искусства. «Удержание настоящего они понимали как полноту, как “устойчиво пребывающее”, как самодовление. Эта устойчивость придается личности и искусством, т. е. эстетическим переживанием, и в равной мере добродетелью, т. е. этическим отношением» [Losev, 1979, с. 161–162]. «Добродетель, считали стоики, абсолютно устойчива потому, что она есть результат внутренней школы человека, результат его внутренней закалки, созданной строгими методами педагогики и самовоспитания» [Losev, 1979]. Другое понимание, но той же идеи удержания настоящего, исповедовали эпикурейцы в своей трактовке наслаждения как «безмятежного, безмолвного покоя души» [Там же]. Однако душевное удовольствие Эпикур связывал не только с настоящим, но и с прошлым, и с будущим, отрицая, однако, движущую силу страстей в будущее.

Различие стоицизма и эпикурейства в понимании устойчивости и самодовления в том, что первый связывает его с внутренней работой, а второй – с наслаждением, которое обладает и привязанностью к настоящему, и вечностью. «Но это удовольствие, –

the finiteness, the limitation of time in his life, he fights against the irreversibility of time, against the finiteness, the limitation of the present. How can he “hold” a moment when all his psychic abilities are dynamic, if his mind is in constant motion, if he is constantly looking to the future? “Expansion” of the boundaries of the present is achieved only through the efforts of awareness and experience, recreating the human culture, i.e. through value consciousness and experience. Such an experience is connected not only with the actual time-space, but with the ideal time-space of culture. This experience extends the present, passing it the authenticity which the empirical life does not own. “The more your life is interior, the more it is a real life”, L.N. Tolstoy wrote. How life can be more or less real is what we shall ask. Giving it a value character broadens and deepens its time, and Tolstoy meant the thought and experience carried out according to the formula of spirituality and culture.

This principle in its philosophically limited form, according to A.F. Losev, was opened by the Stoics in their understanding of art. “They understood holding the present as absoluteness, as consistently transient”, as self-sufficiency. This consistency is given by the individual and the art that is an aesthetic experience, and equally by the virtue, that is an ethical attitude” [Losev, 1979, p. 161–162]. “Virtue, as the Stoics believed, is absolutely consistent because it is the result of internal school of man, the result of his internal hardening created by the rigorous methods of pedagogy and self-education” [Losev, 1979]. Other understanding of the same idea of holding the present was professed by epicureans in their interpretation of delight as “serene, silent peace of the soul” [ibid]. However, Epicurus linked internal delight not only to the present but also to the past and the future, denying, however, the driving force of passions in the future.

The difference between stoicism and epicurism is in the understanding of sustainability and self-sufficiency that is in the fact that stoicism links it to internal work and epicurism links it to delight possessing both attachment to the present and eternity. “But this delight – as A.F. Losev writes – captures the immovable

пишет А.Ф. Лосев, – фиксирует неподвижный предмет своего стремления и тем самым получает для себя уже свою собственную устойчивость, сдержанность и структуру» [Там же, с. 201]. Повседневная же жизнь, считают эпикурейцы, лишенная эстетического удовольствия, есть «всегда куда-то стремящаяся без достаточного удовлетворения».

Удивительным образом к идее покоя как статики настоящего приходит и скептицизм, который «проявляет пассивистскую форму своей души... такой анархизм, который является в то же время величайшим консерватизмом» [Там же, с. 387]. Однако, не имея теоретических средств для структурирования этого настоящего, они понимали его фактически как эстетическое мироощущение, которое выражает, скорее, печаль о прошлом, «тоскует о чем-то великом и погибшем, и в его едва заметной улыбке мы всегда ощущаем мысль о чем-то безвозвратном и невозвратном» [Там же, с. 388].

Эллинистическое искусствоведение, выступая против пассивности скептицизма и его бессилия преодолеть текучесть, стремится «фиксировать в вечности конкретное художественное произведение и сделать его устойчивым на фоне преходящих ценностей жизни... стремится увековечить эстетическое восприятие, и не его статическую протяженность, а именно мгновенность» [Там же, с. 404].

И проходя сложные этапы своего развития, философско-эстетическая мысль постепенно преодолевает синкретизм, присущий и стоицизму, и эпикурейскому мировоззрению, сами способы объяснения времени (его текучести или устойчивости), которые исходили из неразрывности человека и прекрасного в природе и человеке, бытия и сознания, красоты и добродетели». Постепенно появляются собственно эстетические и этические категории, которые позволяют дифференцировать и эстетические, и этические способности субъекта и отделить устанавливаемую им упорядоченность (в форме красоты или добродетели) от возвышенного. И здесь-то у Цицерона, корнем учения которого является, по мнению Лосева, эллинизм, впервые появляется понятие идеального, отвечающее определенному смыслу. «Цицерон, следовательно, подчеркивает чисто идеальный, чисто смысловой характер “мысленного образа”, и хотя он как-то образовывался в уме художника, по самому существу своему он и не рождается и не гибнет, а есть чистая идея, к которой со-

object of its desire, and thereby obtains its own stability, moderation and structure” [ibid, p. 201].

Everyday life, as Epicureans believe, deprived of aesthetic pleasure, is “always seeking somewhere without enough satisfaction”.

Skepticism also comes to the idea of peace as the statics of the present in a remarkable manner. Here it “shows passivist form of its soul ..., such an anarchism, which is the greatest conservatism at the same time” [ibid, p. 387]. However, having no theoretical means for the structuring of this present, they actually understood it as an aesthetic attitude that expressed rather the sadness of the past, “longing for something great and deceased, and we always feel the thought of something irrevocable and non-revocable in its faint smile” [ibid, p. 388].

Hellenistic art history, opposing to the passive nature of skepticism and its powerlessness to overcome fluidity, seeks to “fix a specific work of art in eternity and make it resistant against transient values of life ..., tends to perpetuate the aesthetic perception, and not its static extension, but immediacy” [ibid, p. 404].

And going through difficult stages of its development, philosophical and aesthetic thought is gradually overcoming syncretism inherent in stoicism and epicurean outlook, the methods of the explanation of time (its fluidity or stability), which started from the continuity of man and the beautiful in nature and man, being and consciousness, beauty, and goodness. Gradually proper aesthetic and ethical categories that allow differentiating both aesthetic and ethical abilities of the subject and separating the ordering set by it (in the form of beauty or virtue) from the sublime, appear. And here Cicero, the root of whose doctrine is, according to Losev, Hellenism, for the first time mentions the concept of the ideal, corresponding to the definite meaning. “Cicero, therefore, emphasizes the purely ideal, purely semantic character of “mental image”, and though it was once formed in the mind of the artist, by its nature it is not born and does not die, but it is a pure idea, to which signs of the times are completely inapplicable” [ibid, p. 487].

вершенно неприменимы признаки времени» [Там же, с. 487].

Признаки времени не относятся, таким образом, к идеальному пространству и существующему в нем способу организации знаний, теорий, произведений искусства. Природу идеального блестяще раскрывает в своем анализе мифа О.М. Фрейденберг, определяя идеальность смысла, понятия и наррации. «Образ, – пишет она, – иначе сказывает то, что видит, и передает конкретность так, что она обращается в свое собственное иносказание, т. е. в такую конкретность, которая оказывается отвлеченным и обобщенным новым смыслом» [Фрейденберг, 1978, с. 187]. Иносказание образа связывается ею с его понятийным характером: «конкретность получает отвлеченные черты, единичность – черты многократности, бескачественность окрашивается в резко очерченные, сперва монолитные качества, пространство раздвигается, вводится момент движения от причины к ее результату» [Там же, с. 189].

В понятии, таким образом, происходит не только то обобщение, которое обычно в философии и психологии анализировалось с точки зрения содержания его сущности. Там, где понятие «рождается» из образа, удается высветить то, что сам образ своей реальной экзистенцией уже не несет ее непосредственность, а выражает, обозначает, осмысливает то, что в его экзистенции отсутствует, – идеальное. (По этому поводу прекрасные примеры приводил К. Маркс в «Капитале», говоря о том, что и в телесности холста не содержится ни грана его стоимости, а сама стоимость «отличается от вдовичьи Квикли тем, что ее нельзя пощупать».) «Этос» (Сократа) уже стал двойным философским осуществлением обманчивого «вида» (реальности) и «скрытой сути» (идеального мира). Нам бесконечно важен этот анализ перехода от образа к смыслу. «Этос» по-гречески часто значит «уклад», «норма» или «стиль». Поэтому когда древние говорили об «этическом» значении того или иного предмета, состояния или произведения, то «нрав», «характер», «уклад» понимались здесь также и эстетически. В работах Т.Н. Березиной и Н.Ю. Григоровской именно образы оказались «свидетелями» и смыслов, и событий жизни. Этот момент «превращения» образов, их «иносказательности» есть, по-видимому, архетипичная способность нашего индивидуального сознания, которая воспроизводит принципы, возникшие еще в мифическом со-

In this way signs of time do not apply to ideal space and the way of organizing knowledge, theories, works of art, existing in it. The nature of the ideal is brilliantly revealed by O.M. Freudenberg in her analysis of myth, determining the ideality of sense, concept and narration. “Image, as she writes, otherwise interprets what it sees, and tells the concreteness so that it becomes its own allegory, that is, such concreteness, which is an abstract and generalized new meaning” [Freudenberg, 1978, p. 187]. She links the allegory of the image to its conceptual nature, “concreteness gets abstract features, unicity gets the features of multiplicity, what has no features gets sharply defined, first monolithic features, space is separated, the moment of movement from the cause to its outcome is introduced” [ibid, p. 189].

In the notion, therefore, not only that generalization, which was usually analyzed in philosophy and psychology in terms of the content of its essence, happens. There, where the concept is “created” from the image, it is possible to highlight the fact that the very image with its real existence no longer has its immediacy, but expresses, means, comprehends what is absent in its existence – the perfect. (For that reason K. Marx cited the fine examples in “Capital”, saying that there was no value in the physicality of the canvas, and the value itself is “different from Quickly widow by the fact that it can not be touched”.) “Ethos” (by Socrates) became a double-philosophical realization of the deceptive “view” (reality) and “hidden essence” (the perfect world). The analysis of the transition from image to meaning is incredibly important for us. “Ethos” in Greek often means “way”, “norm” or “style”. So when the old talked about “ethical” value of an object, condition, or work, then “temper”, “character”, “lifestyle” were understood aesthetically. In the works of T.N. Berezina and N.Yu. Grigorovskaya exactly the images were “witnesses” of meanings and life events. This moment of “transformation” of the images and their “allegorical nature” is, apparently, an archetypal power of our individual consciousness, which reproduces the principles that arose even in mythical

знании. Это первое, что вытекает из анализа его истории как истории культуры.

Второе, также существенное, состоит в том, что при этом выявляется движение, сущность которого мы как психологи пытаемся уловить в индивидуальном сознании и самой личности. Это движение, осуществляя превращение реального в идеальное, конкретное в абстрактное, по сути своей обладало той свободой, которая, по-видимому, присуща и индивидуальному бессознательному. Оно (иносказание) «открывало собой путь в будущее, в новое мышление, в многоплановость, в связь неожиданных явлений и в их взаимный переход в свободное и универсальное обобщение единичного, не связанное никакими условными зависимостями, в том числе ни протяженностью, ни дискурсивностью» [Фрейденоберг, 1978].

Третье, самое существенное, заключается в том, что при переходе возникают совершенно новые временно-пространственные соотношения, и здесь масштаб исследования О.М. Фрейденоберга позволяет уточнить идеи А.Ф. Лосева об идеальном как вневременном. Оно вневременно по отношению к настоящему (реальному), но имеет свое время. Так появляется структура рассказа (наррации), «оставаясь образной, она делается понятийной. В ней появляется несколько времен, минимум два» [Там же, с. 223]. И далее, «рассказ возникает произвольно, как объективный результат раздвинутого времени и пространства. Он появляется там, где уже недостаточно плоскости, пространственной и временной. Время тут длительно, причинность порождает следствия, пространственно удлинено. В наррации отражено становление субъектного мира, отделенного от объектного и во времени, и в пространстве» [Там же, с. 227].

Таким образом, идеальное, будучи вневременно относительно конкретно-исторического времени, имеет свою временную организацию, включающую движение, связанное с превращением из одного качества в другое, раздвижение времени-пространства, удвоение времен и т. д. Здесь возникает субъектный мир идеального, имеющий свои законы, логику, временно-пространственную мерность. Можно предположить, что этот способ идеализации, поскольку он связан с мифом, т. е. исторически ранней формой сознания, представляет собой архетип индивидуального сознания. Но можно пред-

consciousness. This is the first thing that follows from the analysis of its history as the history of culture.

The second thing that is also significant is that in this case there is a movement, the essence of which we as psychologists try to catch in individual consciousness and personality. This movement, carrying out the transformation of the real into the ideal, the concrete into the abstract, possessed the freedom in itself, which apparently is inherent in the individual unconscious. It (the allegory) "opened up a path to the future, to a new way of thinking, to diversity, the connection of unexpected phenomena and their mutual transition into a free and universal generalization of the single, not connected by any conditional dependencies, including any extensive or discursive nature" [Freudenberg, 1978].

The third thing, that is the most significant, is the fact that during the transition entirely new temporal-spatial relations occur, and here the scope of the study by O.M. Freudenberg allows clarifying the ideas by A.F. Losev about the ideal as the timeless. It is timeless in relation to the present (the real), but has its time. So that is how the structure of the story (of narration) appears; "staying shaped, it becomes conceptual. Several tenses, at least two, appear in it" [ibid, p. 223]. And further, "the story arises spontaneously as an objective result of the separated time and space. It appears where the plane (both spatial and temporal) is not enough. Here time is long, causality generates consequences, it is spatially extended. In a narration the formation of the subjective world, separated from the objective one in time and space, is reflected" [ibid, p. 227].

Thus, the ideal, being timeless in relation to specific historical time, has its temporal organization, including the movement associated with the transformation from one quality to another, separation of space-time, doubling the time, etc. Here the subjective world of the ideal, which has its laws, logic, temporal-spatial dimension, arises. It can be assumed that this method of idealization, since it is associated with the myth, that is a historically early form of consciousness, is the archetype of

положить и другое – что этот способ присваивается, усваивается каждой личностью. Но в последнем случае, на наш взгляд, должен существовать мотив, более широко – потребность, которая стремится к этому усвоению, признанию (познанию) эстетических и этических принципов.

Нам представляется, что особенность человеческой организации состоит в «выходе за пределы» адаптивной модели жизни, принципа полезности. Образовавшаяся «свобода от адаптивности» предполагает необходимость особой потребности в развитии «бесполезных» в адаптивном плане способностей.

Поэтому историческое развитие человеческого чувства времени первоначально опирается на стремление найти удовлетворение, упорядоченность в настоящем, будь это удовлетворение познавательное, эстетическое или этическое. Лишь с момента, когда был найден критерий удовлетворения, соответствующий не только упорядоченному покою, а совершенствованию, идея, креативность и особенно красота начали определяться в новых специфически временных категориях. Нащупываются особенности музыкальных мелодий и звуков, вызывающих экстатические, благородные, печальные или спокойные состояния. Эти особенности связаны с природой ритма: «ритмизируются движения тела, мелодия, словесное выражение». Словесный ритм находят одни, певческий – другие, танцевальный – третьи средства. Сами ритмы определяются своими временными характеристиками (краткие и частые, длинные и медленные или перемежающиеся по частоте и долготе) и вызывают соответствующие психические состояния. Был обозначен и ритм (метр) диалога, адекватный разговорной речи и размерности вышеупомянутой наррации. Аристид вводит понятие модуляции, «которое есть ритмическое изменение ритмов или темпа».

Ритмы, мелодии, музыкальные средства также есть движения, о которых говорилось выше в отношении идеального, т. е. осуществляется радикальный переход от покоя и статики к динамике. Аристотель называет ритми и мелодию движениями, сравнивая их с поступками, т. е. смело распространяет эстетику на организацию личности. В эстетике выдвигаются две теории, объясняющие родство музыки и души. Одна носит числовой характер и утверждает, что основой родства является гармония. Это фак-

individual consciousness. But you can imagine another thing – that this method is assigned and mastered by each person. But in the latter case, in our opinion, there must be a motive, more widely – a need, that is committed to this mastering, acknowledgement (knowledge) of the aesthetic and ethical principles.

It seems to us that the singularity of human organization is “going beyond” the adaptive model of life, the principle of utility. The appeared “freedom of adaptability” suggests the need in the development of “useless” abilities in adaptive terms.

Therefore, the historical development of the human sense of time originally based on the desire to find satisfaction, ordering in the present, whether it is cognitive, aesthetic or ethical satisfaction. Only from the time when the criterion of satisfaction was found, that corresponded not only to the orderly peace but perfection, the idea, creativity, and especially beauty began to be defined in the new, specifically temporal categories. The features of musical melodies and sounds, causing ecstatic, noble, sad or quiet states, are groped. These features are associated with the nature of rhythm, “body movements, melody, verbal expression can be metrical”. Verbal, singing or dancing rhythms find different means. Rhythms are defined by their temporal characteristics (short and frequent, long and slow or intermittent in frequency and longitude), and cause appropriate mental states. The rhythm (metre) of a dialogue, adequate to conversation and dimension of the narration above, was also identified. Aristide introduces the concept of modulation, “which is the rhythmic change of rhythms or tempo”.

Rhythms, melodies, musical tools are also the motions, which were mentioned above in relation to the ideal, i. e., there is a radical shift from calm and statics to dynamics. Aristotle considers rhythm and melody to be motions, comparing them to actions, i. e., he boldly spreads aesthetics onto organization of the individual. In aesthetics two theories are put forward to explain the relationship of music and soul. One of them has a numeric character and argues that the basis of the relationship is

тически теория математического статического характера. Другая, по мнению А.Ф. Лосева, носит физический характер, поскольку доказывается, что «устройство» души – аналог музыки. Следуя этой аналогии, мы рассматривали выше уникальные временные феномены сопоставительно с разными физическими теориями.

Удивительно, что тот же принцип своего рода идентификации психологии личности и архитектурного или скульптурного произведения имеет место при восприятии художественного пространства. И хотя пространство статично, оно, будучи художественно конституировано – пропорциями, ритмом, жестами скульптур, вовлекает зрителя в духовное переживание, возвышающее душу, а тем самым вызывающее ее движение.

«Скопасом была создана статуя вакханки из паросского мрамора – пицгон, она могла показаться живою; камень, сам по себе оставаясь все тем же камнем, казалось, нарушил законы, которые связали с его мертвой природой... Ты мог бы увидеть, как этот твердый по своей природе камень, подражая женской нежности, сам стал как будто легким и передает нам женский образ, когда его женская природа исполнена резких движений. Лишенный от природы способности двигаться, он под руками художника узнавал, что значит носиться в вакхическом танце и быть отзвуком бога, низошедшего в тело вакханки. Созерцая это лицо, стояли мы, как будто лишившись дара речи, – так ярко во всякой детали написано было проявление чувства» [Лосев, 1979, с. 649].

Но как бы ни были подобны или идентичны эстетическая действительность и ее создание творцом и воссоздание зрителем, перейти от статики времени к движению, оторваться от наличного, непосредственно чувственного диалога времени оказалось возможным, как следует из этико- и эстетико-философского исследования А.Ф. Лосева, только когда появился двупланный смысловой поток, когда появилась смысловая, идеальная, эстетическая реальность – об этом шла речь выше – при анализе соотношения мифа и понятия. С этого момента появления идеального смыслового отношения человека происходит его освобождение искусством.

Чрезвычайно глубок в этом отношении анализ Вельфлиным архитектурных стилей в его почти поэтической книге «Ренессанс и барокко». Готика, считает он, создала такую форму, которая и сумела вы-

harmony. This is actually the mathematical theory of a static nature. The other one, according to A.F. Losev, is physical in nature, since it is proved that the “structure” of soul is analogous to music. Following this analogy, we analysed above the unique temporal phenomena in comparison with different physical theories.

It is surprising that the same principle of a kind of identification of individual psychology and architectural or sculptural work takes place in the perception of art space. And although space is static, being constituted artistically by proportions, rhythm, gestures of sculptures, it involves the viewer in spiritual experience, elevating the soul, and thereby causing its motion.

“Scopas created the statue of bacchant of Parian marble, it might have seemed alive; stone staying the same stone itself seemed to have violated the laws that had related it to dead nature... You could have seen how this stone being hard by nature, imitated feminine tenderness, as if it had become light, and gives us the feminine image while its female nature is full of sudden movements. Naturally deprived of the ability to move, under the hands of the artist it learned what it was like to float in a bacchanalian dance and be an echo of the Creator condescended into the body of a bacchante. Contemplating this face, we stood as if had been struck dumb – so bright in every detail the demonstration of the sense was” [Losev, 1979, p. 649].

But no matter how similar or identical the aesthetic reality and its creation by the creator and re-creation by the audience were, it was possible to move from statics of time to motion, to break away from the present, directly sensual dialogue of time, as it appears from the ethical and aesthetic-philosophical study of A.F. Losev, only when there was a two-pronged semantic stream, a semantic, perfect, aesthetic reality – this was discussed above – in the analysis of the relation between myth and concept. Since the appearance of the perfect semantic relation of man his release by art has started.

In this respect the analysis of architectural styles by Wölfflin in his almost poetic book “Renaissance and Baroque” is extremely deep.

разить стремление человека ввысь, и вызывает при созерцании это стремление. Иными словами, архитектурные стили имеют не только статическую гармонию, но выражают стремление выйти за пределы плоскостного пространства, стремление вверх к совершенству. Последнее является не только как совершенство форм, но как выражение потребности человека в совершенстве духа. Здесь парадоксальным образом совмещается несовместимое – архитектурная композиция статична, потому что ее красота в пропорциональности, а устремленность готики ввысь выражает выход за пределы этого целого, потребность в движении. Но положение «вверх», соединенное с направленностью нашего взора, есть движение незавершенное, поскольку оно стремится не к точке вверху, к цели, но привязано к направлению, к координате. Та же связь движения со скульптурными произведениями прослеживается А.Ф. Лосевым относительно настоящего времени, поскольку осуществляется акт эстетического восприятия и переживания. Субъект возникает, высвобождаясь из позиции уподобления своих чувств эстетическому явлению, предмету. Он может отнестись к нему.

И это отношение связано не с моментом встречи человека с произведением искусства или науки, а с особым внутренним временем, в котором оформляется эстетическая или теоретическая потребность, мотивация, чувство прекрасного, понимание теоретических идей. Эстетика и философия эстетики трактуют двуплановость как изображение или эстетический предмет, сюжет, тему, как то, что они выражают. Итак, мы проследили историческую последовательность и логическую сущность возникновения образно-смысловой идеальной действительности, ее назначение в способе существования человека, ее «способность» расширения его времени. Но это действительность культуры, как мы предположили, по юнговскому принципу прижизненного овладения ею становится или должна стать действительностью индивида, личности. И здесь происходит ее новая актуализация, но особенным образом – психическими возможностями личности в особом процессе эстетического восприятия и переживания. И здесь происходит удвоение времени, подобное описанному О.М. Фрейденом.

Эстетический субъект является не только субъектом актов восприятия, он становится субъектом духовного устройства своего внутреннего мира

Gothic, as he says, created the form, which managed to express the desire of man heavenward, and it evokes this aspiration in contemplation. In other words, architectural styles have not only static harmony, but also express the desire to go beyond the planar space, the desire to strive upwards to perfection. The latter is not only the perfection of forms, but the expression of man's need in the perfection of spirit. Here, the incompatible is combined paradoxically – the architectural composition is static, because its beauty is in proportion, and the aspiration of the Gothic heavenwards expresses going beyond this whole, the need to move. But the position “up”, coupled with the thrust of our sight, is a motion in progress, as it tends not to a point above or a target, but is tied to the direction, to the coordinate. The relationship of motion with sculptural works is also analysed by A.F. Losev in respect to the present, as there is the act of aesthetic perception and experience. The subject emerges breaking from the position of likening one's feelings to the aesthetic phenomenon, the object. It may relate to it.

And this relation is not connected with the meeting of man with a piece of art or science, but with a special internal time, which forms aesthetic or theoretical need, motivation, sense of beauty, understanding of theoretical ideas. Aesthetics and philosophy of aesthetics interpret two-pronged nature as an image or an aesthetic object, plot, theme, something what they express. So, we have traced the historical sequence and logical entity of appearance of figurative conceptual ideal reality, its purpose in the way of human existence, its “ability” to expand his time. But this is the reality of culture, as we have suggested, according to Jung's principle of lifetime mastering it is or should be the reality of the individual, personality. And here is its new update, but in a special way – through mental capabilities of the personality in a special process of aesthetic perception and experience. And here is doubling of time similar to that described by O.M. Freudenberg.

An aesthetic subject is not only the subject of acts of perception, it becomes the subject of spiritual dispensation of one's inner world on

по принципам, которые он смог воссоздать. Здесь происходит перевод личностных потребностей в этические и эстетические, благодаря чему и возникает духовность (Г.С. Тарасов). Тем самым создается его собственный временно-пространственный духовный континуум, который имеет свою мерность, свою ценностно-временную архитектуру. Этот континуум не замкнутое интернально-экстернальное пространство. Это время-пространство, имея в своей основе процедуры, содержащиеся в культуре – научной (знания), эстетической (формы), – имеет очень сложную организацию. Момент обращения к научной концепции, к знаниям и содержащимся в них идеальным объектам должен быть своевременным с точки зрения внутренней логики самой личности. Прочитать научную книгу или провести два часа на выставке картин еще не значит «войти» в их смысловое идеальное время-пространство, присвоить его. Личность должна обладать некоторой вначале, может быть, не оформившейся, не развитой потребностью в этих культурных ценностях, а затем – интересом, отношением к ним. Иными словами, она должна узнать, найти в них предмет своей потребности и выразить себя так, чтобы, самовыражаясь, раскрыть их содержание и способ организации, «логику». А это самовыражение связано с одновременным превращением своих жизненных, уже сложившихся духовных и других потребностей в эстетические, познавательные и т. д. Становление такого субъекта – это его этическое и эстетическое самовыражение, «языком» которого и становятся смысловые «гештальты».

«При стабилизации познающего “я”, отделенного от познаваемого “не-я”, – пишет О.М. Фрейдберг, – субъект уже настолько вырос, что смог начать конструирование параллельно миру объекта – своего собственного субъектного мира, со своей отдельной областью, со своими законами. Помимо того, что это было личностным миропониманием, в богатом интеллекте этот субъективный мир принимал форму как бы самостоятельного плана, независимого ни от какого объекта... Люди стали разниться друг от друга объемом и качеством своего миропонимания, и теперь у некоторых выдающихся людей появилась способность мыслить особым и специфическим мышлением, в котором границы познания более раздвинуты, чем у других людей той же эпохи. Оно проявлялось не повседневно и не при

the principles that the one was able to recreate. Here is the transfer of personal needs into ethical and aesthetic, and so there is spirituality (G.S. Tarasov). That is how its own time-space spiritual continuum is created; it has its dimension, its value and time architectonics. This continuum is not closed internal-external space. This time-space, having the procedures at its core which are contained in the culture – scientific (knowledge), aesthetic (forms), – has a very complex organization. The time of referral to the scientific concept, to the knowledge and the ideal objects contained in them must be timely in terms of the internal logic of the personality. Reading a scientific book or spending two hours at the exhibition of paintings does not mean “entering” their semantic ideal time-space, assigning it. The individual must have some need in these cultural values which may not be formed in the beginning, and then must take an interest in them and have an attitude. In other words, one should learn and find the object of one’s need in them and express oneself so that while expressing oneself the one liberates their content, method of organization and “logic”. And this self-expression is associated with the simultaneous transformation of one’s life, already established spiritual and other needs in aesthetic, cognitive, etc. The formation of such an object is one’s ethical and aesthetic expression, the “language” of which the meaningful “gestalts” become.

“During the stabilization of knowing «me», separated from the knowable «not-me», as O.M. Freudenberg says, the subject has grown so much that was able to start constructing one’s own subjective world parallel to the world of the object, with its a separate area and laws. Besides the fact, that this was a personal view of the world, in the rich intelligence this subjective world took shape of a separate plan, independent of any object ... People began to differ from each other by the amount and quality of their understanding of the world, and now some outstanding people have the ability to think in a special and specific way of thinking, where the boundaries of knowledge are more separated than other people of the same age had. It was shown not every day and not in all

всех условиях не потому, что у человека может быть два мышления, а потому, что обыденная жизнь настолько заставляет личность подчиниться своему шаблону и требует, чтобы все необычное замещалось обычным, сложное – примитивным» [Фрейденоберг, 1978, с. 445].

В.П. Иванов справедливо отмечает, что этот мир дан человеку не в качестве принудительного жизненного обстоятельства, что он лишен признаков утилитарной полезности. «Искусство не просто вовлекает сознание человека в некий информационный поток, – пишет В.П. Иванов, – оно, что самое главное, создает пространство перевоплощения человеческой личности в многообразные формы бытия, модифицированные силой творчества и воображения» [Иванов, 1977, с. 207]. Однако никак нельзя согласиться с тем, что и бессознательное, и художественная реальность «образованы деятельностью» [Там же, с. 231] и имеют только целевую направленность.

Здесь он противоречив, утверждая целевую направленность и деятельную сущность художественной реальности, он одновременно разделяет идею К. Маркса, что это «специфический мир чувственного бытия для созерцания» [Там же, с. 215], «переживаемые (художественные) реальности» [Там же, с. 227]. Если познание можно условно считать деятельностью, то эстетическая активность – это созерцание, т. е. нечто совершенно иное. Он глубоко прав, говоря, что в переживании «проявляется тотальность человеческого способа жизни; позволяющая человеку аккумулировать жизненный процесс, не теряясь в его внешнем течении и сохраняя тождество с самим собой» [Там же, с. 226]. Но он заблуждается, считая этот процесс целиком осознанным и целенаправленным.

Согласно С.Л. Рубинштейну, созерцание является отличным от деятельности способом отношения человека к миру. Деятельность, даже творческая, имеет свое собственное, очень определенное, конечное (заканчивающееся результатом) временно-пространственное измерение, свой алгоритм. Созерцание же опирается на бессознательное, осуществляющееся его механизмами, облекаясь в художественные формы, условности, образы процессуально, динамично и часто произвольно. Но соединение душевных сил личности, потребностей ее самовыражения с реалиями эстетического, приобретая ценностный характер, создает и подтверждает

circumstances not because a person may have two ways of thinking, but because ordinary life forces the personality to submit to its template and wants all the unusual to be replaced by the usual and the difficult – by the primitive” [Freudenberg, 1978, p. 445].

V.P. Ivanov rightly points out that this world is given to man not as the forced vital fact, that it has no signs of utilitarian usefulness. “Art does not just involve human consciousness in a flow of information, – V.P. Ivanov says, – what is more important, it creates the space of transformation of the personality in the diverse forms of being modified by the power of creativity and imagination” [Ivanov, 1977, p. 207]. However, we can not agree with the fact that both the unconscious and art reality are “formed” by activity” [ibid, p. 231] and have only a target orientation.

Here he is contradictory, insisting on the target orientation and participative nature of art reality, he also supports the idea of K. Marx, that this is “the specific world of sensual being for contemplation” [ibid, p. 215], “experienced (art) realities” [ibid, p. 227]. If knowledge can be conventionally considered to be activity, then aesthetic activity is contemplation that is something totally different. He is quite right in saying that in the experience “the totality of the human way of life allowing man to accumulate the process of life appears without getting lost in his external movement and maintaining identity with himself” [ibid, p. 226]. But he is mistaken in considering this process entirely deliberate and purposeful.

According to S.L. Rubinstein, contemplation is a kind of the attitude of man to the world that is different from activity. Activity, even creative, has its own, very specific, final (ending with a result) time-space dimension, its own algorithm. Contemplation is based on the unconscious, carried out by its mechanisms, being clothed in artistic forms, conventions, images in a procedural, dynamic and often involuntary way. But the union of spiritual forces of the personality, the needs of one’s self-expression with the realities of the aesthetic, acquiring value character, creates and supports and maintains

и удерживает в потоке времени идентичность личности самой себе, и тем самым создается и расширяется ее настоящее время. Она постоянно дифференцирует и интегрирует различные смыслы, впечатления, отношения, конструируя свой мир, свою психологическую культуру, основанную на проектно-регулирующей функции психики [Селезнева и др., 2010, с. 133], подтверждая тем самым субъектность в саморазвитии и управлении пространственно-временной организацией жизнедеятельности.

Таким образом, наш анализ, начавшись с механизмов исторического синкретического сознания, обеспечивающего, по мнению философов, удержание мгновения настоящего, пройдя через осмысление этапов развития механизмов воспроизводства художественным сознанием движения, привел к механизмам сознания индивидуальности, личности, «цель» которых – приобщение личности к бесконечности культуры ради обогащения и утверждения ее идентичности (и в этот смысл настоящего) и себя в новом качестве. Формулируя специфику способа детерминации человеческого бытия, С.Л. Рубинштейн обозначил ее как «пребывание в изменении» или сохранение в изменении (или тождественность изменяющегося). Здесь содержится ответ на вопрос о специфике человеческого, личностного времени.

Формула С.Л. Рубинштейна о проявлении и развитии личности в деятельности может быть переформулирована следующим образом: проявляя себя, но не только в деятельности, но и в созерцании, личность возвращается к себе в новом качестве, обогащая и насыщая себя и свой мир. Таким образом, она утверждает, казалось бы, свою идентичность через приобщение к вечности искусства, науки, культуры, а последняя приобретает эту вечность в этом воспроизведении.

В чем же заключено совершенствование личности, связываемое обычно с ее приобщением к культуре? Построение своего внутреннего идеального мира – его ценностного времени-пространства – открывает в человеке способность к идеализации, т. е. стремление к лучшему, более совершенному. Проблеме идеализации посвятил свои лучшие труды А.А. Ухтомский, который связывал ее прежде всего с нравственными отношениями людей. Однако идеализация как способность человека проявляется и в его отношении к себе, в его Я-концепции, заклю-

the identity of the personality to oneself in the flow of time, thereby creating and expanding its present. It constantly differentiates and integrates different meanings, experiences, relationships, constructing its own world, its psychological culture based on the designing and regulating function of the psyche [Selezneva, 2010, p. 133], confirming the subjectivity in self-development and management of spatial and temporal organization of life.

Thus, our analysis, starting with the mechanisms of historical syncretic consciousness, which provides, in the opinion of philosophers, the retention of the present moment, having gone through the understanding of the stages of development of the mechanisms of reproduction by the artistic consciousness of motion, led to the mechanisms of the consciousness of individuality, personality, whose “goal” is to involve the individual to infinity of culture for enrichment and approval of its identity (and in this sense – the present) and themselves in their new capacity. Formulating the specific character of the method of determination of human being, S.L. Rubinstein identified it as “being in the change” or maintaining in the change (or the identity of the changing). Here is the answer to the question about the specificity of the human, personal time.

The formula by S.L. Rubinstein about the manifestation and development of the individual in the activity can be reformulated as follows: showing oneself, not only in activity, but also in contemplation, the personality returns to oneself in one's new capacity, enriching and saturating oneself and one's world. Thus, one seems to state one's identity through the communion with eternity of art, science, culture, and the latter gets this eternity in this work.

What is the enhancement of the individual that is usually associated with one's acculturation? Building one's inner ideal world – one's valuable time-space – opens the ability to idealize in man that is the striving for the better, more perfect. A.A. Ukhtomsky devoted his best works to the problem of idealization. In the first place he related it to moral relationship of people. However, idealization as a human ability

чающей, как известно, «я» – реальное и «я» – идеальное, и в его стремлении к лучшей жизни, в его жизненном оптимизме. Идеализация и есть проявление духовности человека, которая не просто и не только расширяет время-пространство настоящего, но и проецирует будущее как лучшее по отношению к настоящему, как отвечающее высшим критериям человечности. Идеализация – это способность умножения ценности жизни и других людей, противоположная приземленности и ограниченности.

Идеализация предполагает некоторую отдаленность от настоящего, приподнятость идеала над обыденным, его сверхценность и совершенствует человека, его способность следовать за ценностью, опираясь на безграничность смысла, ее притягательность, ее человечность.

В.Д. Шадриков высказал глубочайшую мысль, что культура достигает своей реальности, только становясь культурой личности [Шадриков, 1996]. Только живой человек своим поступанием (следуя термину М.М. Бахтина) ценностным образом придает ей высшую степень реальности.

Присвоение – проявление активности личности в овладении культурой, опытом, социальными возможностями, «потребление» общественных благ и ценностей, использование возможностей, поддержки других людей для обеспечения своей жизни. Потребление, присвоение может носить творческий или индивидуальный характер, проявляясь в свободном распоряжении присвоенными ценностями, духовными, культурными благами, в их преобразовании и развитии. Через присвоение осуществляется удовлетворение жизненных потребностей личности в безопасности, уровне жизни, творчестве, на основе получения образования, пользования правом и материальными благами.

Объективация – в конечном итоге то, что отдает личность обществу в обмен на предоставленное ей благо. Однако в сознании личности и ее реальной жизни объективация как непосредственная отдача обществу своих сил и способностей выступает только в деятельности, более того, в труде.

Не претендуя на полноту и глубину объяснения, можно сказать – превращение чувства в особую движущую силу, «двигатель» духовной жизни личности, оказывается возможным при условии достижения описанной выше пропорциональности личностного времени.

manifests in one's attitude toward oneself, in one's self-concept, consisting, as we know, of "me" – the real and "me" – the perfect, in one's striving for a better life, in one's life optimism. Idealization is manifestation of human spirituality, which does not simply extend the time-space of the present but also projects the future as the best in relation to the present, as meeting the highest criteria of humanity. Idealization is the ability to multiply the value of life and other people opposite to earthiness and limitation. Idealization implies a certain distance from the present, the elevation of the ideal over the ordinary, its super-value; it improves man, his ability to follow a value basing on the infinity of its meaning, its appeal, its humanity.

V.D. Shadrikov expressed a profound idea that culture reaches its reality, only becoming the culture of the individual [Shadrikov, 1996]. Only man by his acting (following M.M. Bakhtin's term) gives it a high degree of reality in a value way.

Assignment is manifestation of activity of the individual in learning culture, experience, social opportunities, "consumption" of public goods and values, use of opportunities, support of other people for maintaining one's life. Consumption, assignment may have a creative or individual character, manifesting in the free disposal of assigned spiritual values, cultural goods, in their transformation and development. After the assignment comes, the satisfaction of vital needs of the individual in security, the standard of living, creativity, on the basis of getting education, using the right and material goods, happens.

Objectification is ultimately what the individual gives to society in exchange for the benefit offered. However, in the mind of the personality and one's real life objectification as an immediate return of one's forces and abilities to society appears only in activity, in fact, in labor.

Without claiming completeness and depth of explanation, we may say that transforming the sense into the specific driving force, the "engine" of the spiritual life of the individual is possible provided that there is the achievement of the above proportionality of personal time.

Способность личности к самореализации, объективации своих возможностей в культуре и обществе (в гипотетическом порядке), времени-пространстве для того, чтобы овладеть временем-пространством контура деятельности, используя саморегуляцию как средство оптимизации последней, а деятельность осуществлять не только ради решения проблем самореализации и самоутверждения в жизни и социуме, а ради достижения, не скажем – счастья, не скажем – блага, но, скажем, лучшего способа жизни людей. Это превращение требует особых личностных усилий, поскольку реальное время жизни, ее реальные дела, отношения с людьми отвечают жизненной необходимости. Они требуют ограничений, принципа необходимого и достаточного. Идеал и идеализация – сфера необязательного, сфера, которая не предъявляет к человеку никаких требований, ни за что не карающая, не обвиняющая ни в чем. Почему же он, зажатый в тисках повседневных дел, спешки, неотложных обязательств, необходимой жизненной и деловой скорости, темпа, вдруг оказывается способен «перешагнуть» через обязательность и полезность и выйти в другое духовное идеальное время и пространство? Ответ на этот вопрос еще предстоит найти. Но в категориях времени можно определить эту способность как способность личности к порождению времени через соединение со временем человечества.

Библиографический список

1. Абульханова К.А., Березина Т.Н. Время личности и время жизни. СПб., 2001.
2. Иванов В.П. Человеческая деятельность – познание – искусство. Киев, 1977.
3. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм. М., 1979.
4. Селезнева Н.Т., Дроздова Л.Н., Куркотова Е.А. Субъектно-развивающая парадигма: критерии субъектности // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2010. С. 133–138.
5. Фрейденоберг О.М. Миф и литература древности. М., 1978.
6. Шадриков В.Б. Психология деятельности и способности человека. М., 1996.

An individual's ability to self-realization, objectification of their opportunities in culture and society (in the hypothetical order), time-space helps to capture time-space of the outline of the activity, using self-regulation as a means of optimizing the latter, and the activity is carried out not only for the sake of solving the problems of self-realization and self-affirmation in life and society, but for the sake of achieving not happiness or the good, but the best way of life. This transformation requires special personal efforts, because the actual time of life, one's real work, relationship with people corresponds to vital needs. They require the restrictions, the principle of the necessary and the sufficient. The ideal and idealization is the sphere of the non-binding, the sphere which does not impose any requirements to man, which does not punish and does not blame. Why does he, being clamped in a vise of daily affairs, rush, urgent commitments, required life and business speed, pace, suddenly turn out to be able to "step over" obligation and profitability and go to other spiritual ideal time and space? The answer to this question is yet to be found. But in terms of time we can define the ability as the ability of the personality to spawn time through the connection with the time of humanity.

List of reference

1. Abulkhanova K.A., Berezina T.N. Time of personality and time of life. SPb, 2001.
2. Ivanov V.P. Human activity – knowledge – art. Kiev, 1977.
3. Losev A.F. The history of ancient aesthetics. Early Hellenism. M., 1979.
4. Selezneva N.T., Drozdova L.N., Kurkotova E.A. Subject-developing paradigm: criteria of subjectivity // Vestnik of KSPU named after V.P. Astafiev. 2010. P. 133–138.
5. Freudenberg O.M. Myth and literature of antiquity. M., 1978.
6. Shadrikov V.B. Psychology of activity and capacity of man. M., 1996.